

УДК 34(517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-160-166

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА

© **Дугарова Сэржена Жигмитовна**
доктор исторических наук, заведующая кафедрой
теории и истории права и государства
dugarova_s@mail.ru

© **Верхотурова Юлия Владимировна**
магистрант 2-го курса
vjs3008@gmail.com

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ

Закономерности и особенности эволюции политико-правовых институтов номадов могут быть выявлены путем исследования памятников монгольского права. Происхождение памятников средневекового монгольского права, характер норм законодательных актов давно являются предметом научных исследований. В статье дан анализ норм Великой Ясы — законодательного акта периода Монгольской империи, а также установлений Их Цааз — памятника права эпохи монголо-ойратских союзов. С целью определения характера норм указанных актов путем сравнительно-правового анализа статей Великой Ясы, Их Цааз, изучения выводов В. А. Рязановского, Г. К. Гинса, обобщивших в середине XX в. замечания по исследованию монгольского средневекового законодательства, сделано заключение о преимущественно публично-правовом характере норм памятников монгольского права в разные периоды кочевого государства.

Ключевые слова: закон, обычное право, публичное право, монгольское право, памятники права, Великая Яса, Их Цааз, норма права, правовое регулирование.

LEGAL NATURE OF MONGOLIAN LAW MONUMENTS

Serzhena Zh. Dugarova
Dr. Sci. (Hist.), A/Professor,
Department of Theory and History of Law and State
dugarova_s@mail.ru

Yuliya S. Verkhoturova
Graduate Student
Department of Theory and History of Law and State
vjs3008@gmail.com

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

The patterns and features of evolving the political and legal nomad institutions can be identified by studying the monuments of Mongolian law. The origin of mediaeval monuments of Mongolian law, the nature of the norms of legislative acts have been the subject of scientific research for a long time. The article analyses the norms of the Great Yassa, a legislative act of the Mongol Empire, as well as the regulations of Ikh Tsaaз — a monument of the Legislation of the Mongol-Oirat Unions Epoch. In order to determine the nature of legal norms through the comparative legal analysis of the articles and the research of the conclusions by V.A. Ryazanovsky, G.K. Gins, who generalised the comments on the study of Mongolian mediaeval legislation in the middle of the 20th century the con-

clusion about the predominantly public law nature of the legal norms in the monuments of Mongolian law in different periods of the nomadic state has been made.

Keywords: law, customary law, public law, Mongolian law, the Great Yassa, the Ikh Tsaaz, legal norm, legal regulation.

Важными эмпирическими источниками изучения истории государства и права монголов являются памятники монгольского права. Вопросы происхождения, определения природы законодательных актов средневековой Монголии остаются актуальными в историко-правовой науке.

Один из первых памятников монгольского права — Великая Яса на протяжении многих лет служит предметом споров ученых (правоведов, историков). Одни считают ее сборником обычного права, другие — первым законодательным актом, свидетельством государственности кочевников. Причина этих споров не только в различном толковании постановлений современниками, но и в том, что созданная Чингиз-ханом Великая Яса не сохранилась в оригинале и нет никакой гарантии, что имеющиеся в распоряжении документальные свидетельства ее существования не подверглись искажению при переводе с монгольского на арабский или латинский, как и гарантии, что авторы средневековья не вкладывали в текст свое собственное видение предмета.

Возникновение государственной власти невозможно рассматривать, учитывая только обычное право, без законодательных основ. Ранние стадии развития государственности характеризуются смешением законов и обычаев, т. к. первые создаются для решения вопросов, которые не затрагивает обычное право либо недостаточно им регулируется. Верховная власть пока еще слишком молода и слаба для того, чтобы попирает обычаи, доказавшие свою эффективность столетиями существования. Поэтому и первые законодательные акты характеризуются тем, что воспроизводят нормы обычного права и регулируют те отношения, которые либо выходят за рамки последнего, либо недостаточно подходят под общепринятые правила. Поэтому Великая Яса была посвящена отношениям, которых обычай не знал, организации народа-войска, походного порядка в жизни орды-завоевательницы [Гинс, 1932, с. 19].

В. А. Рязановский, руководствуясь историческими работами Маркизи, Мерховенда, Ибн-Батута и Вартана выделял 36 положений Великой Ясы и 29 изречений Чингиз-хана. Правовым анализом статей Великой Ясы занимались также Г. К. Гинс, Г. В. Вернадский, Н. И. Березин и др.

По мнению Г. К. Гинса, Великая Яса представляет собой не сборник обычного права, а законодательные постановления Чингиз-хана [Там же, с. 8]. Так, Гинс отмечал, что уложения Великой Ясы дают представление о структуре государства: основанное на междуплеменной солидарности военное государство во главе с выборным вождем — Чингиз-ханом. Соблюдение принципа, согласно которому армия делится на тьмы, тысячи, сотни и десятки, позволяет в короткий срок быстро собрать солдат в единое войско под командованием опытных военачальников, являющихся главами родов, гарантирующих беспрекословное подчинение вождю.

В противоположность этому, исследователь монгольского права В. А. Рязановский утверждает, что Великая Яса является письменным кодексом, закрепляющим действовавшее обычное право монголов. Яса направлена на упорядочение отношений между монгольскими племенами, составляющими государство Чингиз-хана, путем объединения племенных обычаев в единый закон [Рязановский, 1931, с. 12].

Опровергая данное утверждение, Г. К. Гинс обращает внимание на то, что Великая Яса «заключает много постановлений, тесно связанных с законодательными задачами» [Гинс, 1932, с. 9]. Например, четко прослеживается цель создать дисциплинированное войско под управлением военачальников, лично осуществляющих организацию и кон-

троль вверенных им десятков, сотен и тысяч; предписание о создании постоянной почты, как средства коммуникации между отдаленными частями государства; определение прав женщин как управляющих делами и хозяйством в отсутствие мужа; установление налогов и повинностей в пользу правителя и многое другое. Таким образом, большая часть постановлений Ясы — не задокументированное обычное право, а законодательство вождя, направленное на укрепление государственности.

Различные мнения Гинс и Рязановский высказывали по поводу постановлений Великой Ясы, касающихся вероисповедания. Фрагменты Великой Ясы, в которых говорится об уважении всех исповеданий и снятии налогов и податей с чтецов Ал-Корана, лекарей и ученых, Рязановский предлагает рассматривать как начала веротерпимости, тогда как Гинс толкует эти нормы как мудрость завоевателя, оказывающего уважение вероисповеданиям покоренных народов с целью сохранить завоеванное.

Довольно жестоким, с точки зрения обычного права, является применение в Великой Ясе в качестве наказания смертной казни за такие мелкие проступки, как намеренная ложь, подсматривание за поведением других людей, кража или жадность в еде. Однако если рассмотреть эти постановления в условиях лагерной жизни людей (отсутствие личного пространства, простота и общность быта и т. п.), становится понятным, что они направлены на укрепление дисциплины и недопущение превращения орды в армию мародеров.

О многом говорит нам и постановление Ясы о казни за прелюбодеяние. М. Ковалевский рассматривает данное положение как правовую норму, регулирующую отношения между родами, образующими основу народа-войска. И приводит следующие доказательства. Убийство в качестве мести внутри рода не допускается, иначе это приведет к сокращению его численности. За прелюбодеяние с женой или наложницей своего соплеменника виновника, скорее всего, ждало осуждение, бесчестье или ссылка. Следовательно, причина такого сурового наказания — прелюбодеяние с женщиной другого рода. Распри между родами могут ослабить силу всего войска, поэтому независимо от положения нарушителя расплатой за дестабилизацию будет смертная казнь.

По этой же причине строго каралась кража лошади. То, что будет преступлением по отношению к сородичу, будет доблестью, если производится в ущерб чужаку. Не допустить обид и грабежей, установить мирные взаимоотношения — таковы были задачи Великой Ясы.

Вода и огонь многое значат в жизни кочевника. Запрет опускать руку в воду, есть что-либо из посуды для черпания воды, мочиться в воду и огонь, на котором готовят еду Гинс считает не суевериями или данью уважения обычаям, а первыми законодательно установленными санитарными нормами.

Безусловно, часть постановлений Великой Ясы относятся к обычному праву монгольских народов, например постановления, регулирующие семейные и имущественные отношения. Однако для понимания общего духа Великой Ясы значение этих отдельных постановлений второстепенно [Гинс, 1932, с. 9]. Формулировки «постановил» и «запретил», «узаконил» и «предписал» указывают нам на верховенство закона (установленного ханом) над обычаем. Государственная власть сосредоточена в руках авторитетного вождя, который регулирует общественные отношения посредством этого закона.

Главная задача закона — организовать орду, устранить межродовые разногласия, привить дисциплину, добросовестность и воздержанность, сохранив при этом национальные обычаи и культуру монголов.

Процесс распада монгольского государства сопровождался противоборством племен, заключавших союзы с целью объединить государство и подчинить своему влиянию. Когда-то единая Монгольская империя к XVI в. стала тремя большими враждующими ча-

стями: северной (Халха), южной (внутренняя Монголия) и западной (Джунгария). Для регулирования отношений внутри таких союзов создавались уставы — Цааджин-Бичик. Начиная с конца XIV до середины XV в. наиболее сильным оказался союз западных монголов, именуемых ойрат. Западноойратский союз оставил нам так называемый Древний Цааджин-Бичик. Со второй половины XV в. руководящая роль перешла к восточным монголам, которым удалось не только снова объединить Монголию, но и нанести ряд поражений Китаю. В первой половине XVI в. процесс завершился созданием союза западных и северных монгольских племен. По истечении 40 лет существования этого союза, Монголия снова распалась на самостоятельные аймаки и с того времени уже не объединялась. Изданный в 1640 г. последний монголо-ойратский устав известен как Новый Цааджин-Бичик.

Из древнего Цааджин-Бичика известно содержание только 8 фрагментов: о прелюбодеянии, о выделении сыновей, об оскорблении действием, о положении женщины и др.

Профессор Рязановский, изучая древний Цааджин-Бичик и сравнивая его с Великой Ясой, считает, что устав представляет собой самостоятельное произведение обычного права, появившееся в результате изменения обычаев с течением времени. Безусловно, обычаи изменяются, появляются новые, а старые претерпевают изменения или прекращают свое существование, однако следует принять во внимание, что государственность и право тоже не стоят на месте. Даже после утраты целостности империи отношения, возникающие на отдельно взятых территориях, нуждались в регулировании правовыми актами.

Как справедливо замечает Г.К. Гинс, наблюдающийся в истории права переход к наказанию штрафом в пользу чиновников, а не потерпевшего свидетельствует об укреплении государственной власти, а не о смягчении обычаев. К примеру, в Великой Ясе наказанием за прелюбодеяние была смерть, а в Цааджин-Бичик данная мера наказания отсутствует. Виновный за «обычное прелюбодеяние» выплачивал штраф судье и «носителю трубы», т. е. государственным служащим. За связь с женой князя уплачивался штраф в виде козы с козленком, а прелюбодеяние с наложницами духовных лиц по древнему Цааджин-Бичик вообще не было наказуемо.

Маловероятно, что переход от казни к штрафу представляет собой стадию эволюции права в сторону гуманизации. Если бы данное положение устава было обычаем, а не законом, то исходя из требования справедливости, штраф в первую очередь уплачивался в пользу пострадавшей от измены стороны. Однако интересы последнего не учитываются. Очень сомнительно, чтобы пеня в пользу чиновников государства устанавливалась обычаем [Гинс, 1932, с. 18].

Любопытны положения, касающиеся семейных отношений, традиционно регулируемых обычным правом. Князь содействует юноше в желании отделиться от отца и требовании выдела части стада для того, «чтобы стать непосредственно подданным князя». Признание юноши совершеннолетним, т. е. способным основать собственное хозяйство, можно рассматривать как начало эмансипации. Целью законодателя в данном случае является укрепление власти за счет создания родовых связей и увеличение числа подданных князя.

Положение женщины в патриархальной семье все еще оставляло желать лучшего, но изменения наметились в положении Цааджин-Бичик, утверждающем ее неприкосновенность в своем жилище, при условии, что она находится на положенном ей месте, т. е. справа от входа в юрту на своей хозяйской стороне. В этом случае женщина обладает правом неприкосновенности. Также женщина имеет право попросить у князя снятия небольшого или снижения крупного штрафа, и ее просьбу могут удовлетворить из уважения к ее полу. За прелюбодеяние с рабыней наказывать следует мужчину. Отдельные

правонарушения в отношении женщин по Цааджин-Бичик наказываются строже, например оскорбления, наносимые женщине. За прелюбодеяние с рабыней мужчину лишали коня, денег и всего имущества, находящегося при нем.

Таково скудное содержание древнего ойратского устава, который представляется, на основании изложенного, скорее сборником законов, выявляющих новые гуманные тенденции, чем кодификацию обычаев [Гинс, 1932, с. 19].

С конца XVI в. южные племена монголов находились в зависимости от маньчжуров. Экспансия Китая и внутренние раздоры побудили восточных и западных монголов к созданию прочного союза для защиты своих территорий. В 1640 г. князья 44 племен, охватывающих территории Северной Монголии, Джунгарии, Куку-нора, Тибета, Западной Сибири, Урала и Поволжья установили внутренний мир и утвердили Новый монголо-ойратский устав.

Каковы источники права Нового Цааджин-Бичик? Профессор Леонтович считал такими Великую Ясу Чингиз-хана и Бэлиг, древний Цааджин-Бичик, ярлыки и пайцзэ, а также племенное обычное право [Леонтович, 1879, с. 188–204]. Профессор Голстунский отрицал эту точку зрения и считал таковыми устное обычное право, обстоятельства политического и социального положения монголов в начале 17 столетия и, может быть, религиозное движение желтошапочников. Профессор Рязановский считал, что к 1640 г. Великая Яса и законодательство чингизидов были уже забыты, а древний Цааджин-Бичик и обычное право монгольских племен можно считать более действительными источниками нового устава. Совершенно противоположного мнения придерживался Г. К. Гинс. По его утверждению, источником устава 1640 г. является не только обычай, но без сомнения закон [Гинс, 1932, с. 21].

В различных переводах и изданиях Новый Цааджин-Бичик содержит от 121 до 150 статей. К основным задачам уложения относятся: регулирование межплеменных и внутриплеменных отношений, организация обороны, регулирование скотоводства и охоты. В нем отражены нормы частного, уголовного и процессуального права, ряд постановлений относится к религии и духовенству.

Изменения в общественной и культурной жизни Монголии были связаны и с распространением ламаизма, проникшего в Монголию из Тибета. Тибетский буддизм (ламаизм) оказал большое влияние на развитие государства и права. Свидетельством этого является не только присутствие духовных лиц при составлении нового Цааджин-Бичик, но и наличие положений, защищающих права представителей духовенства.

Введение в устав представляет собой религиозный гимн, начинающийся с духовной цитаты и перечисления святых. Заканчивается предисловие именами 44 князей. Эта последовательность достаточно характеризует трепетное и почтенное уважение к религии, ее влияние в обществе.

Из 10 человек один должен стать монахом, хотя и с правом откупиться. Наказание в виде штрафа предусмотрено за приглашение шамана и нарушение обета. За самовольное снятие духовного сана предусматривается лишение половины скота и имущества. В порядке обычного права наказание за шаманство и уклонение от духовного сана возникнуть не могли.

Нормы, регулирующие межплеменные отношения и организацию нападения и защиты, носят явный характер договора. Здесь запрещается князьям грабить области, входящие в союз, устанавливаются наказания за неявку по тревоге, за несообщение о появлении неприятеля, за отказ в помощи против него, предписывается сообщать отражать неприятеля [Гинс, 1932, с. 21].

Система поощрения также носит правовой характер. Награду получают на войне: убивший неприятеля получает его панцирь, а соучастник — прочее снаряжение; за осво-

бождение соплеменника, спасающегося бегством, — две лошади и панцирь, освобождение из плена — девяток скота из добычи. В быту в награду получают: до 9 скотин за тушение пожара в степи, спасение человека, животного или стада; лошадь и корову за спасение юрты с имуществом; врач, вылечивший больного, получает оговоренное вознаграждение или лошадь.

Кодекс наград — явление довольно редкое, в отличие от кодекса наказаний. Последние предусмотрены за всевозможные виды преступлений: против личности, имущества, общества и нравов, государственной безопасности, религии и духовенства.

Казуистичность положений нового Цааджин-Бичик дает нам возможность изучить быт и психологию кочевников. Естественно, охота и скотоводство были для них основным средством добычи средств существования. Скот заменял деньги и служил единицей обмена. Поэтому и соответствующие правонарушения наказываются строго: кража скота, присвоение части чужой добычи на охоте, несообщение о прибывшем к стаду чужом скоте и пр. Создан целый перечень предметов домашнего обихода, кража которых также влечет наказание: от юрты с коврами, шкурами тигров и леопардов до веревки и шила. Самый высокий штраф полагается за поджог степи.

Государственность ойратов в этот период, по мнению Гинса, держится на международной солидарности. Поэтому отказ в участии в походе, обороне или нападении карается, а действия, направленные на общее благо, вознаграждаются и поддерживаются законом. Ответственность часто носит коллективный характер. Например, не сообщивший о неприятеле изгоняется вместе со своим потомством; десятник, не сообщивший о воровстве, лишается рук, а остальные подлежат аресту; за насильственную смерть платят штраф все жители района.

Солидаризм находит отражение и в обязанности взаимопомощи. Штраф ждет того, кто отказал жаждущему в питье, еде и ночлеге. Забота о нищих и бедствующих ложится на плечи дэмчей каждых сорока кибиток под угрозой строгого наказания, в т. ч. как за убийство, а при недостатке средств следовало доложить об этом властям.

Взаимопомощь есть и в совершении брака. Четыре из 40 кибиток ежегодно должны женить своих сыновей, а десять человек должны оказывать содействие в женитьбе одного. Это объясняется тем, что полагающийся за невесту выкуп часто был не под силу одному человеку. Содействие браку здесь больше похоже на меру социального воздействия на общество в целях повышения рождаемости. Брак в интересах поддержания рода — явление само собой разумеющееся.

Неравенство полов усиливается за счет допущения поучительных побоев жены, многоженства и разводов. Если женщина ударит мужа, то ее ждет либо отрезание ушей, носа, выкалывание глаз, либо обращение в рабство. Усиление сословного неравенства также отражается в брачных отношениях. Например, за покинутую жену из знатного рода уплачивается «девятка скота с ценною вещью», тогда как за жену из низкого сословия верблюды или лошадь. Размер выкупа за невесту устанавливается в зависимости от сословия, к которому она принадлежит: самый большой выкуп за дочь князя, самый маленький — за девушку из низшего сословия. Как и в предыдущих уложениях, дочь имела право только на свое приданое, наследниками имущества могли быть только сыновья.

Новый Цааджин-Бичик запрещает свободу передвижения как отдельным лицам, так и целому аймаку.

Постановления нового Цааджин-Бичик по организации судопроизводства и отправления правосудия немногочисленны, но показывают расширение сферы ведения суда. Совершение суда перестало быть межродовым и межплеменным делом. Различные проступки, совершенные внутри рода и семьи, перешли из самоуправства в область государственного правосудия. За содействие правосудию предусмотрена награда, за отказ —

штраф («не допустивший до обыска подвергается штрафу»). Таким образом, суд становится постоянным государственным институтом.

Обзор законодательных памятников эпохи ойратских союзов показывает, что распад монгольского государства ослабил военное могущество, но не помешал укреплению политического единства, подчинению родовых интересов интересам союзов административными и законодательными средствами (в целях сохранения культурной идентичности).

Анализ норм памятников монгольского права: Великой Ясы, Их Цааз свидетельствует о преимущественно публично-правовом характере норм, имевших целью регулирования отношения власти и подчинения, упорядочивания политических вопросов в условиях феодальной раздробленности.

Литература

1. Баярсайхан Б. Методологические проблемы исследований по истории монгольского права. Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. № 4. С. 5–23.
2. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. Харбин, 1932. № 3. 56 с.
3. Дугарова С. Ж. Государство и право средневековой Монголии. Проблемы изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 140 с.
4. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879. 282 с.
5. Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения — X» / науч. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 304 с.
6. Почекаев Р. Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 170–171.
7. Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: Типогр. Чингарева Н. С., 1931. 351 с.